

А. В. Кобак, Л. Я. Лурье

ГРОМОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ (Ташкентская улица, 8)

Громовское кладбище расположено в Московском районе, между линиями Балтийской и Варшавской железных дорог. Добраться до кладбища, окруженного складами, гаражами и свалками, на городском транспорте невозможно. Надо проделать немалый путь пешком — либо от Балтийского вокзала по Митрофаньевскому шоссе, либо по Ташкентской улице от Московских ворот. Со стороны Ташкентской улицы сохранялись каменные трехарочные ворота в «русском стиле», которые раньше вели на кладбище. Сейчас они «встроены» в забор соседнего склада, а вход находится рядом.

Грустное впечатление оставляет Громовское кладбище, разоренное и забытое. Главная дорожка ведет от входа к большому прямоугольному пруду. Прежде от него отходили два канала, превращенные ныне в полузасыпанные мусором канавы. Один из берегов бывшего канала отделан путиловским камнем и образует длинную террасу, на которую перекинуты несколько каменных мостиков. Здесь находится самая старая часть кладбища, разделенная рядом параллельных дорожек на небольшие участки и сохранившая несколько десятков старых памятников — от саркофагов первой половины XIX в. до обелисков начала нынешнего. Судя по всему, эта часть некрополя, не утратившая следов прежнего богатства и ухоженности, некогда была очень живописна.

Участки за прудом конца XIX—начала XX вв. сохранились гораздо хуже — несколько полуразрушенных надгробий, руины надмогильных часовен, два чугунных восьмиконечных креста. До наших дней на кладбище уцелело немного старых памятников и могил; большая их часть осквернена. По-видимому, оно обречено окончательно и бесславно погибнуть — формально под натиском окружающих предприятий, фактически — от людского равнодушия и жестокости. Сегодня некрополь уже утратил все связи с городом, историческим фрагментом которого он является. Но даже в опустошенном и заброшенном виде Громовское кладбище остается важнейшим материальным свидетельством целого пласта жизни старого Петербурга.

До революции кладбище принадлежало старообрядческой общине Белокрицкого согласия — самому большому течению старообрядцев-поповцев — и было центром этого толка для всего северо-запада России. История поповства в Петербурге относится к началу царствования Елизаветы Петровны. В отличие

от беспоповцев — поморцев и федосеевцев, населявших прилегавшие к Петербургу территории, — поповские центры находились в Подмосковье, Поволжье, в Сибири и на Дону. Поэтому среди петербургских старообрядцев поповцев всегда было меньше, чем беспоповцев. Это главным образом богатые купцы с приказчиками и казаки из императорского конвоя: донцы, линейцы, уральцы.

Во второй половине XVIII в. важнейшими деятелями поповщины в Петербурге считались купцы Г. Ф. Ямщиков, И. Н. Ильин, И. И. Милов. Относительная умеренность взглядов и огромные богатства позволяли им поддерживать тесные связи с ключевыми фигурами правительственного аппарата. По распространенным и едва ли недостоверным слухам, связи эти были взаимовыгодны: богачи-старообрядцы платили чиновникам регулярные субсидии, те же смотрели сквозь пальцы на их деятельность.

Па словам крупнейшего знатока старообрядчества писателя П. И. Мельникова-Печерского, первая моленная поповцев была основана в Петербурге в 1756 г.¹ При Екатерине II молелен стало несколько, и они неоднократно переносились, оставаясь, впрочем, в пределах «купеческих» районов — у Апраксина двора и близ Пяти углов.

Первая половина XIX в. — расцвет поповщины. Знаменитое Рогожское кладбище в Москве становится центром хлебной и рыбной торговли для всей России. Гуслицкие купцы Солдатенковы, Рахмановы, Досужевы основывают процветающие текстильные мануфактуры, контролируют значительную часть горнодобывающей промышленности Урала. Ежегодные макарьевские ярмарки, перенесенные позднее в Нижний Новгород, превращаются, по существу, в съезды староверов-миллионщиков.

Центром Петербургской поповщины в продолжение тридцати трех лет (1811–1844) оставалась моленная в доме купца 1-й гильдии В. Ф. Королёва на Ивановской улице. Эта богатая домовая церковь с иконами XVI в. и старинной утварью была настолько известна, что поповцев в Петербурге называли «королёвой верой». При моленной находились больница, богадельня на сто пятьдесят коек, общая столовая (келарня), были, по словам В. В. Нильского, «уставщики — знатоки церковной службы, искусные писцы уставом, мастера писать иконы, целый рой людей, способных на всякое дело»². В николаевское время во главе «королёвой» общины стояли Громы, Сапожниковы, Дрябины, Харитоновы, Злобины. Многие члены этих богатых купеческих фамилий были похоронены на Громовском кладбище, но их могилы до наших дней не сохранились.

Рыботорговец-миллионер А. П. Сапожников, обладатель прекрасного собрания западноевропейской живописи (Леонардо, Рубенс, Ван-Дейк), по жене родственник городского головы Н. И. Кусова, был шурином декабриста Я. И. Ростовцева. Либеральные взгляды Сапожникова чуть не привели его самого в тайное общество. За день до восстания купеческая осторожность перевесила, и он посоветовал зятю во всем повиниться будущему императору Николаю I, что тот, как известно, и сделал, став любимым флигель-адъютантом грозного императора.

Вольский купец Злобин устраивал в окрестностях Петербурга праздники с музыкой, фейерверками и роскошными ужинами, на которые собиралась вся

столичная знать. Про него передавали такую историю. Однажды на вечере у некоего знатного лица Злобин играл в карты. К нему подошел обер-полицмейстер и сказал: «Василий Алексеевич, у вас в доме пожар!» Злобин совершенно спокойно отвечал: «На пожаре должно быть вам, а не мне» и продолжал игру. Дом сгорел, а в нем векселя и другие документы. Купец разорился³.

Но главными фигурами поповской общины столицы были купцы-миллионеры Сергей и Федул Громовы, родом из подмосковного старообрядческого села Гуслицы. В Петербурге им принадлежала Громовская лесная биржа — огромные торговые склады близ Смольного. Другая биржа Громовых находилась на левом берегу Фонтанки, напротив Апраксина двора. Официальным главой петербургского поповства считался попечитель королевской моленной Сергей Громов, жену которого, Елену Ивановну, старообрядцы называли «госпожой Дому Израилеву, истинной рабой Христовой». Но фактическим лидером общины был младший брат, более осторожный Федул Громов, меценат и коллекционер, владелец лучшей в Петербурге оранжереи на Аптекарском острове.

В 1835 г. «по прошению попечителей старообрядческого общества здешних купцов Сергея Громова и Никиты Дрябина» официально отвели одиннадцать тысяч восемьсот пятьдесят четыре квадратные сажени земли для кладбища, получившего название по фамилии основателя — Громовское⁴. Сохранилось одно из первых захоронений — гранитный саркофаг на могиле Ивана Ивановича Гречухина (ум. 1836), московского 2-й гильдии купца.

Указом 1826 г. о снятии крестов со всех старообрядческих молитвенных зданий правительство Николая I начало непримиримую борьбу с расколом. К началу 1840-х гг. закрыли скиты поповцев на Иргизе и Керженце, запечатали храмы Рогожского кладбища. «Удары правительственных репрессий, — пишет историк, — одинаково поражали и поповщину и беспоповщину; но чувствительнее всего они были для поповщины. Беспоповщина могла обходиться без молитвенных домов и попов; поповцы считали такое положение дела „богомерзкой ересью“, для них культ без попа и часовни или церкви был немислим. Поэтому гроза больше всего отозвалась на поповщине; но она заставила поповцев собраться с силами и выработать такую организацию, которая ставила их культ вне всякой зависимости от синодальной церкви»⁵.

В отличие от беспоповцев, полностью отвергнувших священство, поповцы до 1840-х гг. принимали перешедших к ним православных священников. После выхода указа о «беглых попах» это стало практически невозможно. Основание независимой от православной церкви иерархии прямо связано с деятельностью братьев Громовых. Вместе с московским купцом Федором Рахмановым Громовы задумали и финансировали сложнейшую церковно-дипломатическую миссию по отысканию за границей православного епископа, который согласился бы перейти в старообрядчество и положить начало священнической иерархии.

Из петербургского особняка Федула Громова на Балканы был отправлен Петр Великодворский (в монашестве Павел Белокриницкий), человек ловкий и бесконечно преданный старой вере. Ходили слухи, что совет основать

старообрядческую кафедру за границей дал Громову его хороший знакомец, шеф жандармов А. Х. Бенкендорф⁶.

Великодворскому удалось склонить к переходу в старую веру бывшего боснийского митрополита Амвросия, подкупить австрийские власти, и в 1846 г. в старообрядческом скиту в Белых Криницах (тогда на территории Австрии) были рукоположены первые старообрядческие священники и епископы. Три года спустя старовер Степан Жиров стал первым русским архиереем с именем Софрония епископа Симбирского. Через десять лет в России уже существовало десять старообрядческих епархий, так что поповцы с гордостью повторяли, что у них священство «яко кедр на Ливане умножися». По месту своего основания старообрядческая иерархия получила название Белокриницкой, и ее центром стало Рогожское кладбище в Москве.

В то время как Великодворский странствовал по Австрии и Турции, в Петербурге правительство нанесло решающий удар королёвской моленной. В 1844 г. после нескольких ревизий она была закрыта. Вскоре после этого руководители общины обратились с ходатайством об открытии нового молитвенного дома на Громовском кладбище, где к этому времени была только деревянная будка для сторожа. Они просили «о дозволении построить молитвенный дом, взамен уничтоженной моленной в доме Королёва, на их кладбище как единственном месте, где они уже имеют некоторую оседлость, и о перенесении в новую моленную святых икон, книг и церковной утвари»⁷.

Ходатайство рассматривал чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел И. П. Липранди, известный гонитель раскола. Как ни странно, в этом случае он поддержал староверов и советовал своему ведомству отнестись к просьбе поповцев с «гуманностью и терпимостью». После некоторых проволочек деревянная Успенская церковь на сто пятьдесят человек была освящена. Центр петербургской поповщины переместился на Громовское кладбище. Вскоре здесь появился деревянный дом со службами, в 1867 г. архитектор К. К. Циглер построил еще один⁸. В них помещались квартиры священников, главным образом выходцев из села Гуслицы, певчих, мужская и женская богадельня, общая столовая, пекарня, панихидная и даже гостиница для приезжих⁹. В 1862 г. площадь некрополя была расширена. Улица, отделявшая Громовское кладбище от разросшейся территории соседнего Митрофаньевского православного кладбища, получила название Старообрядческой (ныне — Ташкентская).

Во второй половине XIX в. единая прежде в Петербурге поповщина разделилась на три основных направления. Часть старообрядцев, не принявших Белокриницкую иерархию, именовалась беглопоповцами. Их было немного — главным образом выходцы из Нижнего Новгорода, которые в 1909 г. образовали свой небольшой приход. Белокриницкое согласие, в свою очередь, дало два основных ответвления: «окружников» и «раздорников» («неокружников»), не принявших «Окружного послания» 1863 г. Центр первых находился на Рогожском кладбище в Москве, вторых — в подмосковном селе Гуслицы. Молельня столичной общины неокружников после раскола 1863 г. разместилась сначала в доме Александра

на Ямской улице, в 1882 г. переведена на Лиговский проспект в дом каретника Дмитриева, и наконец, в 1916 г. архитектор П. П. Павлов построил новый молитвенный дом в Чубаровом переулке (ныне — Транспортный пер., 5). Громовское кладбище осталось за окружниками, сторону которых приняло богатое петербургское купечество¹⁰. Но хоронили на нем поповцев всех толков.

Во второй половине XIX в. Громовское кладбище не имело столь могущественных покровителей, как В. А. Кокорев у поморцев или Е. С. Егоров у федосеевцев. Дети Громовых и Сапожниковых приняли православие, многомиллионное состояние Громовых перешло к городскому голове Ратькову-Рожнову. Память о Громовых сохранялась лишь на кладбище, носившем их имя. Вот что пишет журналист «Петербургского листка» Н. Н. Животов: «На кладбище центральное место занято склепом Громовых; над могилами Федула и тестя его стоят красные памятники. Теперь этот фамильный склеп заброшен и неугасимые лампы потушены. Благодарные лжепоповцы вырезали над могилой своего первого попечителя Федула Громова следующую надпись: „Не блеск образования и званий, а здоровый ум и дальновидность руководствовали его в обширных делах, при уповании на Бога! Он начал с ничего и неусыпно трудясь приобрел звания и состояние, и во всю жизнь наслаждался любовью всех окружающих, счастьем и постоянным здоровьем! Муж благодетельный, добрый гражданин и примерный семьянин!”»¹¹.

Главными жертвователями кладбища стали Е. Н. Дрябин и П. И. Чубыкин, который завещал четверть миллиона на постройку при кладбище богадельни. В 1892 г. на Забалканском проспекте (ныне Московский пр., 108) у Московских ворот приобрели для нее участок, где в 1896—1899 гг. была построена по проекту К. К. Циглера богадельня на семьдесят человек¹². В ноябре 1905 г. старообрядческий епископ Виталий освятил в ней домовый храм святого Петра Митрополита, в котором служил причт Громовского кладбища.

К 1912 г. в Петербурге насчитывалось три с половиной тысячи поповцев, среди них — две тысячи двести последователей Белокриницкого согласия, объединенных в две общины (на Громовском кладбище и на Б. Охте) и имевших десять священников, и тысяча триста неокружников, в храме которых в Чубаровом переулке служило два священника. Громовское кладбище являлось резиденцией епископа и центром Петербургской и Тверской епархии Белокриницкого согласия. В начале XX в. епископом некоторое время был перешедший из православия о. Михаил (в миру Павел Семенов), участник религиозно-философских собраний у Мережковских. При кладбище размещалось благотворительное епархиальное братство, старообрядческая библиотека имени епископа Виталия, начальная школа и школа певчих. В чубыкинской богадельне в 1910-х гг. проходили регулярные епархиальные съезды. Громовскую общину в начале XX в. возглавляли П. А. Голубин, владелец магазина готового платья, и торговцы клеенкой Ф. П. Федоров и Ф. Ф. Наумов.

Небольшая деревянная церковь Громовского кладбища оказалась мала, и в 1912 г. началась постройка каменного Покровского храма на две тысячи человек.

Его проект в неорусском стиле выполнил Н. Г. Мартыанов, архитектор-старообрядец из Москвы. В декабре 1914 г. старообрядческий епископ Геронтий освятил небольшой придел апостола Иакова под колокольной, сооруженный на средства петербургских купцов братьев Головиных¹³. 4 января 1915 г. последовало освящение главного Покровского придела, а боковые так и остались неосвященными. После постройки каменного храма Успенская церковь не была разобрана — ее стали использовать для панихид. Ежегодно 1 августа, в первый Спас, крестный ход шел для водосвятия на кладбищенский пруд или через весь город — на Неву.

В 1933 г. Покровскую церковь закрыли, снесли, невзирая на то, что ее взяло под охрану общество «Старый Петербург». Само существование Громовского кладбища представляет собой некоторую загадку: **находившееся** рядом Митрофаньевское кладбище было полностью снесено, и остается **неясным**, почему эта судьба миновала небольшое Громовское кладбище. На части его территории расположились склады, проложена железнодорожная ветка, многочисленные разграбления свели число старых надгробий к минимуму.

До наших дней уцелело несколько десятков памятников над купеческими могилами Рахмановых, Цековых, Головиных, Кашиных, Капустиных, Акимовых, Михалевых. Они дают некоторое представление о характере старообрядческой эпитафии, которая сохранялась неизменной на протяжении многих десятилетий: фамилия, имя, отчество, звание усопшего; год, число и час смерти; возраст, чаще всего с точностью до дней; как правило, день ангела. Дата рождения обычно не указывалась. Приведем для примера наиболее развернутую из обнаруженных эпитафий:

Под сим камнем погребено тело жены Петергофского 2-й гильдии купца Ефрема Ильича Ульяны Григорьевны Бычковой, скончавшейся 1858 года 22 декабря в 7-м часов утра на 50 году от рождения своей жизни. Память ее 4 марта.

Господня воля совершилась
Печали нас объяла мгла
Мать наша милая Ульяна
Увы, дух Богу предала.
Поник супруг ее главою,
Блестит слеза в глазах детей,
Но под тяжелою плитою
Не слышен стон рыданья ей.
Она в надежде Воскресенья
Путь с верою прошла земной
Прости ей, Боже, согрешенья
И со Святыми упокой.

Новый слой немногочисленных захоронений относится к 1920–1930-м гг. На трех могилах военного времени стоят стелы, возобновленные находящимся неподалеку Механическим заводом управления Спецтранс. Посещаемых могил на Громовском кладбище очень мало. Судьба старинного некрополя не определена, но сегодня любители старины еще могут совершить по нему прогулку.

Примечания

- ¹ Мельников-Печерский П. И. Полн. собр. соч. Т. 14. Спб., 1898. С. 31.
- ² Нильский В. Громовское раскольничье поповщинское кладбище в Петербурге // Истина. 1875. Кн. 42. № 9/10. С. 54.
- ³ Мельников-Печерский. Указ. соч. С. 51.
- ⁴ ЦГИА СПб. Ф. 800. Оп. 1. Д. 3.
- ⁵ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. 2-е изд. Т. 5. М., б. г. С. 165.
- ⁶ К вопросу об устройстве за границей старообрядческой кафедры // Старообрядческая мысль. 1910. № 2. С. 80.
- ⁷ Громовское раскольничье кладбище в Петербурге // Христианское чтение. 1888. № 5. С. 230.
- ⁸ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 1355.
- ⁹ Раскольничьи учреждения в Петербурге // Христианское чтение. 1887. № 9/10. С. 454.
- ¹⁰ Нильский В. Краткий исторический очерк Громовского раскольничьего поповщинского кладбища в Петербурге // Церковно-обществ. вестн. 1874. № 19. С. 5–8.
- ¹¹ Животов Н. Н. Церковный раскол Петербурга. Спб., 1891. С. 102.
- ¹² Церковь. 1909. № 3. С. 103.
- ¹³ Слово церкви. 1915. № 1. С. 28.

Громовское кладбище

